

Александр Петрович СЕРГЕЕВ родился 29 декабря 1953 г. в Калининской области (ныне — Тверская).

В 1979 г. окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета (ныне — Санкт-Петербургский государственный университет).

В 1982 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Правовой режим бесхозяйного и бесхозяйственного содержимого имущества», в 1990 г. — докторскую диссертацию по теме «Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР».

В 1981–1984 гг. — ассистент, в 1985–1991 гг. — доцент, в 1992–2006 гг. — профессор, заведующий кафедрой гражданского права ЛГУ.

В 1987–1991 гг. — депутат Василеостровского райсовета г. Ленинграда.

С 1997 г. по наст. вр. — арбитр Международного коммерческого арбитража (МКАС).

С 2006 по 2015 г. — профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета СПбГЭУ (ФИНЭК).

С 2015 г. по наст. вр. — заведующий кафедрой гражданского права и процесса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (СПб.).

Советник международной юридической компании *DLA Piper*. Стажировался в Германии, Голландии, США.

Неоднократно выступал в качестве эксперта и представителя в Конституционном, Верховном и Высшем Арбитражном судах РФ, а также в судах иностранных государств и международных коммерческих арбитражах.

Участвовал в подготовке и экспертизе проектов федеральных законов, включая Гражданский кодекс РФ, а также законов и подзаконных актов Санкт-Петербурга.

Член Экспертного совета ВАК РФ (2000–2010 гг.), ряда экспертных советов, редколлегии научных журналов и издательств и третейских судов.

Удостоен ряда государственных наград, в том числе ордена Дружбы (2005 г.), медали «В память 300-летия Санкт-Петербурга» (2003 г.), медали Анатолия Кони (2004 г.)

Автор свыше 180 научных работ, в том числе 15 монографий по проблемам гражданского, авторского и патентного права.

Автор учебника «Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации» (1996–2006 гг.), автор 16 глав и редактор двух трехтомных учебников по гражданскому праву (1995–2007 гг., 2009–2017 гг.). Автор 14 глав и редактор двух комментариев к четырем частям Гражданского кодекса РФ (2002–2006 гг., 2009–2017 гг.).

ДУМАЮ, ЧТО ЭСТОППЕЛЬ БУДЕТ ВОСПРИНЯТ И ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Александр Петрович СЕРГЕЕВ,

заведующий кафедрой гражданского права и процесса Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (СПб.)

— Александр Петрович, много копий сломано вокруг споров о необходимости закрепления принципа добросовестности в тексте ГК РФ. На Ваш взгляд, насколько это важно для развития гражданского права?

— Сам по себе принцип добросовестности, конечно, не нов — вспомним хотя бы ст. 302 Гражданского кодекса, где говорится о добросовестном приобретателе. Но, наверное, действительно требовалось специально его выделить, потому что, к сожалению, в последнее десятилетие пошатнулись многие, в том числе нравственные, основы в нашем обществе, и юридическая среда не стала исключением. Поэтому появление такого механизма, как ссылка на недобросовестное поведение и отказ в защите подобного поведения, как мне кажется, абсолютно оправданно, тем более что это соответствует международным тенденциям развития права. В том же английском праве, например, очень многое основано на началах добросовестности.

— Но ведь как раз английское право не имеет в своей основе принципа добросовестности.

— Это верно, принципа как такового в нем нет, но англичане все-таки ссылаются на «добрые нравы» и другие подобные понятия. Правда, там другая судебная система, другие судьи, другие подходы к праву.

— В ходе реформы нашего ГК была предпринята попытка включить в российское законодательство некоторые элементы английского контрактного права и их аналоги, но сохранить при этом континентальный подход, с упором на добросовестность. Как Вы считаете, не повлекло ли это диссонанс в нашей правовой системе?

— Возможно, основания говорить о диссонансе есть, но дело в том, что сейчас наблюдается устойчивая тенденция к сближению общего и континентального права,

и появление в нашем законодательстве конструкций английского права, на мой взгляд, это неизбежный результат такой конвергенции.

У нас принято иногда критиковать английское право за его прецедентный характер и некую непредсказуемость, но на самом деле там все очень предсказуемо. В последнее время я неоднократно участвовал в английских судебных разбирательствах в качестве эксперта по российскому праву и общался с английскими коллегами и должен сказать, что с годами мне все больше и больше нравится английское право.

— Одним из конкретных выражений принципа добросовестности в тексте закона стало закрепление в нашем Кодексе случаев запрета противоречивого поведения, который в доктрине обозначают как аналог принципа эстоппель. Этот институт также не был присущ нашему традиционному праву.

— Да, у нас были другие традиции, но гордиться ими, мне кажется, не стоило. Я помню одно очень значимое судебное дело, которое рассматривалось в конце 1990-х гг. Дело было отчасти политизированное, поэтому я опущу детали, но суть заключалась в том, что крупное публичное образование получило кредит от западного банка и несколько последующих лет его обслуживало, в частности выплачивало проценты. А потом неожиданно заявило, что никакого кредита оно не получало. И действительно: документы вроде как подтверждали, что деньги не дошли до публичного образования, а осели в финансовом учреждении, которое должно было выступать посредником в получении этого кредита.

И я хорошо помню, как видные юристы, которые защищали интерес данного публичного образования, на допросе эксперта, так называемом *cross examination*, говорили: «Наше право не запрещает говорить сегодня одно, а завтра — другое. У нас нет принципа добросовестности». Добросовестность, по их мнению, требовалась только в случаях, прямо указанных в законе, а в отсутствие общей нормы любая сторона могла свободно поменять свою позицию и не понести за это никакой ответственности.

Я тогда пытался опровергнуть это утверждение, доказывая, что, даже несмотря на отсутствие прямого, текстуального закрепления в нашем праве, принцип добросовестности все равно в нем существует, хотя и не столь явно.

Если поощрять недобросовестное поведение участников оборота, то это может привести к множеству негативных последствий, поэтому, на мой взгляд, закрепление принципа эстоппеля в российском Кодексе — это очень важный и мудрый ход законодателя, направленный на приведение нашего права в унисон с развитыми гражданскими правовыми порядками.

— Как разрешил суд то дело, о котором Вы упомянули? Недобросовестное поведение не повлекло последствий?

— Там было очевидно, что деньги получены, так что решение было положительным для кредитора.

Во всяком случае, мне показалось, что мы убедили суд в необходимости учитывать добросовестность. Тем более что в состав арбитров входили два представителя из стран общего права, один из которых был англичанином. А с их точки зрения такое поведение точно было неприемлемым.

— Можно ли считать, что эстоппель, как и принцип добросовестности, теперь пронизывает все наше гражданское право? Насколько широко он может применяться?

— По крайней мере, в рамках частного права я не вижу никаких препятствий для его применения. В дальнейшем, я думаю, он будет воспринят и за пределами гражданского права.

— Означает ли это, что запрет противоречивого поведения может применяться по умолчанию?

— Полагаю, что да. Так или иначе, это одно из конкретных проявлений принципа добросовестности, который является сквозным для российского права.

— А запрет на злоупотребление правом тоже можно назвать межотраслевым?

— Конечно.

— То есть он применим и в процессуальном праве в том числе?

— Думаю, вполне. Ведь процессуальными правами можно злоупотреблять так же, как гражданскими, трудовыми и т.д.

— В доктрине есть очень известный спор о природе злоупотребления правом: что это — простой выход за пределы права или вид правонарушения? Какой позиции придерживаетесь Вы?

— На мой взгляд, это правонарушение особого рода. Суть его заключается в том, что лицо формально не нарушает закон, точнее, ту норму, которая гарантирует ему субъективное право, но использует ее в противоречии с ее назначением, т.е. не удовлетворяет свой интерес, а преследует какие-то иные цели.

— Но оно не выходит за пределы своего права?

— Это зависит от того, что считать пределами права, ведь они выражаются в целях соответствующей нормы, иногда в сроках и способах реализации права. Вопрос о пределах права непростой, но я не вижу здесь какого-то противоречия. Если нет оснований рассматривать злоупотребление в качестве правомерного действия, то что остается тогда? Оценивать его как правонарушение, но особого рода, когда извращается сущность нормы, притом что формально реализуется свое право.

— Если мы говорим о правонарушении, то возникает вопрос о возможности применения юридической ответственности и, может быть, санкций в более ши-

роком смысле слова. Но в гражданском праве у нас пока установлено только одно последствие — отказ в защите.

— Это правда, хотя в последнее время высшая судебная инстанция существенно расширила возможности реагирования на недобросовестное поведение участников гражданского оборота. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда о применении части первой ГК РФ¹ дана очень широкая интерпретация понятиям недобросовестности, злоупотребления правом и вызываемым ими последствиям. Хотя, по моему мнению, эти вопросы следовало бы решать самому законодателю в ст. 10 ГК РФ.

— То есть Верховный Суд вышел за пределы своих полномочий?

— В некоторой мере да. Вообще, большинство цивилистов всегда считали руководящие постановления пленумов высших судов источниками права, хотя формально они, конечно, являются актами толкования закона, а не законами. Но жизнь есть жизнь, и почти в любом постановлении Пленума ВС РФ можно обнаружить какие-то новые нормы. Очень часто высшая судебная инстанция просто вынуждена устранять пробелы и противоречия в законе.

Тем не менее в случае, о котором мы говорим, выход за пределы ст. 10 ГК РФ был довольно заметным, и если бы меня спросили, правильными ли по сути являются другие возможные санкции, я бы, наверное, согласился с тем, что последствием злоупотребления правом может быть и взыскание убытков, и признание сделки недействительной. Но все же было бы лучше выстроить эти нормы в самом законе.

— Но ведь позиция о том, что злоупотребление правом может являться основанием для применения ст. 168 ГК РФ о признании сделки недействительной, была четко высказана еще в бытность Высшего Арбитражного Суда.

— Да, такая практика сформировалась еще раньше. Но меня немного удивило, да и сейчас удивляет то, как суды в постановлениях или адвокаты в своих заявлениях ссылаются на конкретную норму, по которой сделка может быть признана недействительной, но еще на всякий случай добавляют ссылку на ст. 10 ГК. Мне это кажется совершенно излишним, потому что в большинстве случаев должно применяться конкретное основание признания сделки недействительной — притворность сделки либо совершение ее под влиянием обмана или заблуждения и т.д. А ст. 10 могла бы применяться по остаточному принципу, если невозможно подвести конкретное основание. Но таких случаев должно быть немного.

— То есть Вы призываете применять эту статью в узком смысле?

— В целом — да. Как известно, некоторые ученые достаточно резко критикуют и конструкцию обхода закона с противоправной целью, и само понятие злоупотребления правом. Я же, наоборот, сторонник 10-й статьи, но с той оговоркой, что применять ее надо с большой осторожностью, каждый раз мотивируя такое применение. И уж

¹ Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

конечно, не стоит путать эту конструкцию с распределением бремени доказывания. Высшие суды когда-то пытались возложить бремя доказывания недобросовестности на добросовестного приобретателя, и такая позиция вызывает недоумение. Бремя доказывания недобросовестности должно лежать на противоположной стороне, потому что в отношении участников оборота должна действовать презумпция добросовестности. В судебной практике появляются случаи, когда эта презумпция уже не действует, и особенно это заметно в корпоративных отношениях. Если, например, руководитель организации знает о заинтересованности в сделке и что она будет невыгодной, то в таком случае он уже считается недобросовестным и должен доказать обратное. Я думаю, что такие факты, несомненно, должны опровергать презумпцию добросовестности, но однозначно считать в этих случаях сторону недобросовестной, мне кажется, не совсем корректно.

— В свое время Вы опубликовали статью, посвященную применению такого способа злоупотребления правом, как заявление об истечении исковой давности. Как показывает практика, решение Высшего Арбитражного Суда, первоначально принятое в пользу возможности применения в этом случае категории злоупотребления правом, встретило и сейчас встречает неоднозначный отклик у окружных судов. Бывает, что суды отказывают в применении этой категории. С Вашей точки зрения, этот вопрос неоднозначный либо же речь идет об ошибочности толкования судами позиции Высшего Арбитражного Суда?

— Я безусловно разделяю подход Высшего Арбитражного Суда. И, если не ошибаюсь, такую позицию еще раньше высказывал Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа.

Для меня вопрос этот ясен, скажем так, с теоретической точки зрения, потому что здесь мы даже не выходим за рамки ст. 10 ГК РФ: формально отказ в защите права — единственная санкция, предусмотренная этой статьей. Ведь когда ответчик ссылается на истечение исковой давности, то он, собственно говоря, использует право на защиту, которым, как и всяким субъективным правом, тоже теоретически можно злоупотребить. Другой вопрос, что в каждом конкретном случае должны быть приведены конкретные данные, подтверждающие, в чем именно выразилось это злоупотребление правом. Наиболее наглядным примером, пожалуй, можно назвать дело по корпоративному спору, когда акционер, незаконно лишившийся корпоративного контроля, долгие годы добивался восстановления своих прав. Будучи лишен своих прав участия в обществе, он был лишен в том числе и права оспаривать решения, принятые этим юридическим лицом. То есть он мог оспорить решение, только восстановив свой корпоративный контроль над юридическим лицом, но, пока шел судебный процесс, он пропустил срок исковой давности для оспаривания этого решения. Очевидно, что ссылка руководителей общества, которые приняли то решение, на исковую давность была злоупотреблением правом, потому что акционер пропустил срок только из-за того, что ему незаконно отказывали в восстановлении в корпоративных правах. Эта причинно-следственная связь — препятствие в восстановлении корпоративных прав привело к утрате права на оспаривание решения, — как мне кажется, ясно подтверждает, в чем выразилось злоупотребление правом. Если же на злоупотребление ссылаются тогда, когда истцу ничего не препятствовало предъявить требования вовремя, просто чтобы найти хоть какие-то основания для

приостановления срока течения исковой давности, это неверно и незаконно. В таких случаях нет оснований ссылаться на злоупотребление правом.

Здесь существует четкий критерий: должно быть субъективное право, которым можно злоупотреблять, и конкретные факты этого злоупотребления.

— Но если истец не мог эффективно защитить свое право, потому что были препятствия в восстановлении корпоративного контроля, или у него не было информации о нарушении, или же информация была, но не было права требовать признания сделки недействительной? Можно ли защитить свой интерес какими-то ординарными механизмами, связанными с применением исковой давности? К примеру, просить суд восстановить срок исковой давности?

— Если бы такие механизмы были, то и не было бы необходимости обращаться к ст. 10 ГК. По моему глубокому убеждению, правила об исковой давности в российском гражданском праве, к сожалению, остаются крайне несовершенными, несмотря на внесенные в главу 12 ГК РФ поправки. Но этот вопрос требует отдельного разговора. В том же деле, о котором идет речь, решение общим собранием было принято, акционер о нем знал, но не мог его оспорить, потому что, не будучи акционером, был лишен возможности предъявить иск. И только восстановив свое участие в акционерном обществе, он смог предъявить соответствующее требование.

Это яркий, но не единственный пример злоупотребления правом со ссылкой на исковую давность. Другой пример — мошеннические действия, которые нередко в конце концов квалифицируются как уголовное преступление, но изначально внешне все выглядит вполне законным, а истец ничего не может доказать. Скажем, ему отказывают в признании недействительным решения собрания акционеров, которого в реальности не было, и отказывают на том основании, что есть протокол о проведении этого собрания. А потом выясняется, что его и правда не было, но выясняется это только тогда, когда вскрылись мошеннические действия, связанные с фальсификацией протокола, и появился приговор суда, констатирующий эти обстоятельства. И срок исковой давности к тому моменту уже пропущен.

Так что мне кажется, что здесь должен работать именно механизм злоупотребления правом, но с соблюдением очень осторожного подхода.

— В 2015 г. Верховный Суд в одном из своих определений высказал позицию, что злоупотребление правом имеет место, когда лицо выступает вопреки норме, которая предоставляет ему соответствующее право, и при этом не соотносит свое поведение с интересами (а) общества, (б) государства и не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность². Нет ли здесь опасности чересчур широкого толкования? Или эту позицию тоже нужно узко интерпретировать?

— Я бы склонился к узкому пониманию. Вероятно, такая позиция сложилась на основе конкретного дела, где вопрос стоял как раз о публичных интересах, интересах какой-то социальной группы. На мой взгляд, такое толкование не должно рассматри-

² Определение ВС РФ от 03.02.2015 по делу № 32-КГ14-17.

ваться в качестве общего подхода к пониманию злоупотребления правом. Потому что злоупотребление правом — это, наоборот, действие, формально совершенное в рамках нормы, но в противоречии с ее истинными целями. Закон-то при этом как раз не нарушается, поскольку есть субъективное право. Но оно предоставлено субъекту для реализации какого-то его собственного интереса. Если он действует вопреки этому интересу, например желая причинить кому-то вред или обойти закон, достичь каких-то противоправных целей, тогда можно говорить о злоупотреблении правом. Но раз и навсегда связывать это с публичным интересом, думаю, неверно.

— Такой подход может породить толкования, которые будут понимать интерес государства более широко.

— Высший суд еще говорит про нарушение корреспондирующей праву юридической обязанности. Возможно, имеются в виду те права, которые одновременно можно интерпретировать как обязанности, например право на воспитание и обязанность воспитывать ребенка. Наверное, в этом случае можно говорить, что есть публичный, общественный интерес, состоящий в том, что родитель должен воспитывать ребенка.

— Государственный интерес нередко противопоставляется частному. Возьмем нашумевшее Постановление Конституционного Суда РФ по выморочному имуществу³. Какое значение, на Ваш взгляд, имеет это новое толкование принципа добросовестности в отношении государства? По большому счету Конституционный Суд подошел к публичному собственнику с позиции разумного поведения в том случае, когда, в принципе, применению подлежит норма о виндикации. Можно ли назвать это неким новым вектором в судебной практике относительно поведения публичного собственника?

— Я бы не стал переоценивать значение этого Постановления и называть его революционным. Конституционный Суд решил достаточно частный вопрос, связанный с защитой прав добросовестных приобретателей жилых помещений, которых выселяют несмотря на то, что они уже много лет пользовались этим помещением, а само помещение к тому моменту прошло через несколько сделок. В данном случае, конечно, сыграли свою роль какие-то социальные моменты, поскольку речь идет о жилище. Конституционный Суд ведь не признал п. 1 ст. 302 ГК РФ неконституционным, он исходил из того, что эта норма не подлежит применению тогда, когда спор касается жилых помещений и участником этого спора является публичное образование, которое не только имело право, но было обязано принять данное помещение на баланс и проверять законность сделок, которые с ним совершались. С учетом того, что публичное образование выполняло свои обязанности ненадлежащим образом, Суд и встал на защиту добросовестного приобретателя.

Наверное, появлению такого подхода во многом способствовали решения Европейского суда по правам человека. Через этот суд прошли несколько дел по искам к Российской Федерации, поданных гражданами, лишившимися своих жилых помещений, в отношении которых публичный собственник точно так же в свое время не оформил право собственности, поскольку они были выморочным имуществом. И когда спустя

³ Постановление КС РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца».

годы это вдруг обнаружилось, добросовестные приобретатели лишились своих прав на жилище. Европейский суд по правам человека прямо указал, что государство ненадлежащим образом выполняет свои обязательства по регистрации, принятию имущества на учет и тем самым создает условия для выбытия этого имущества из своего обладания. Несмотря на то, что формально здесь действительно должна применяться ст. 302 ГК РФ и имущество должно изыматься, с точки зрения справедливости это решение Конституционного Суда является совершенно правильным.

Единственное, чего, на мой взгляд, не хватает в этом Постановлении, — это ссылки на одно известное теоретическое положение. В основе правила о виндикации лежат выработанные еще римскими юристами положения о принципе так называемого наименьшего зла. В этой ситуации так или иначе приходится жертвовать чьими-то правами — либо собственника, либо добросовестного приобретателя, — и решение вопроса о том, чьими правами все же следует поступиться, зависит от того, у кого из них больше шансов защитить свои интересы иным образом, т.е. взыскав убытки с их непосредственного причинителя. Применительно к этой конкретной ситуации публичный собственник имел все возможности, если бы ему было отказано в иске, взыскать причиненные убытки с тех, кто незаконно завладел выморочным имуществом или совершал с ним сделки. Так что ссылка на это положение, возможно, усилила бы позицию Конституционного Суда, но и без нее оно является верным.

— Означает ли это, что судам стоит в каждом конкретном случае искать такой баланс? Получается, позиция Конституционного Суда применима достаточно узко и не должна распространяться на все схожие ситуации, когда публичный собственник по той или иной причине не позаботился, например, о регистрации своего права вовремя?

— Я думаю, что те оговорки, которые содержатся в этом Постановлении, вряд ли будут способствовать его широкому применению. Во всяком случае, в спорах между частными собственниками эта позиция вряд ли будет работать. По-моему, нет смысла менять давно устоявшиеся и, по сути, признанные в мировом масштабе правила виндикации. Молодые ученые нередко пытаются либо придумать что-то свое, например неограниченную виндикацию, либо защищать исключительно добросовестных приобретателей. Но тот баланс, который сейчас заложен в 302-й статье ГК РФ, мне кажется оптимальным.

— То есть новых исключений искать не стоит?

— Возможно, этот подход действительно будет распространен, скажем, на давностных владельцев, которых можно считать потенциальными собственниками. Но опять-таки дальше споров с публичным образованием это, скорее всего, не пойдет.

— Но ведь можно легко представить ситуацию, связанную с разделением публичной собственности. В 1990-х гг. такое явление было частым, когда земля ставилась на баланс, например, муниципальным образованием, а потом оказывалось, что она государственная.

— Это верно. Я думаю, что если начать разбираться, то мы увидим массу споров, просто они, наверное, не все доходят до судов и решаются в ином порядке. В той

сфере, которую Вы упомянули, конечно, была полная неразбериха. Не случайно до сих пор действует Постановление Верховного Совета РФ 1991 г. о разграничении собственности⁴, со времени принятия которого ничего лучшего придумать не смогли. И я, конечно, знаю много случаев, когда крупные города завладевали федеральной собственностью, и наоборот, федеральный собственник незаконно владел объектами, которые должны принадлежать субъектам Федерации.

— Не видите ли Вы в этом Постановлении КС РФ усиление значимости принципа внесения в российский гражданском праве — в том смысле, что не должно быть «спящих» вещных прав на недвижимое имущество и что все должно быть четко закреплено в реестре, с учетом ряда исключений, таких как права супругов?

— Без общего правила о том, что право собственности на недвижимость возникает с момента внесения сведений в реестр и эти сведения являются единственным доказательством, конечно, не обойтись, но это правило должно и всегда будет иметь исключения. Конечно, было бы здорово, если бы эта норма работала во всех случаях, но для этого государство должно нести действительную ответственность за достоверность сведений в реестре. Кто должен отвечать за убытки, возникшие в связи с тем, что сведения в реестре оказались неверными? Государство вряд ли в ближайшей перспективе возьмет на себя такую ответственность.

Впрочем, это общая проблема, и выходя за рамки заданного Вами вопроса, могу сказать, что есть много ситуаций, когда государство совершает ошибки, но не несет за это никакой ответственности. Возьмем, например, случай, когда было незаконно выдано свидетельство на товарный знак, которое потом признано недействительным. Кто виноват в этом? Прежде всего, конечно, тот, кто получил свидетельство незаконно, но виноваты и те, кто проводил экспертизу и не заметил тех нарушений, которые выявились впоследствии. Но ведь никто за это не отвечает, хотя такие случаи могут привести к большим убыткам участников гражданского оборота.

— Проблема в том, что очень сложно привлечь к ответственности государство и взыскать убытки с бюджета?

— Да, к сожалению, добиться этого очень сложно. И хотя ошибки государственных органов часто оборачиваются убытками для участников гражданского оборота, случаи их возмещения встречаются не так часто, как хотелось бы.

— Но разве последние нововведения в законодательство не дают надежду на прямо противоположную тенденцию? Появились нормы о том, что государство возмещает убытки, причиненные не только незаконными, но и правомерными действиями его органов.

— Вы имеете в виду ст. 16.1 ГК РФ, но, собственно говоря, что она дала? Ссылку: «В случаях... которые предусмотрены законом». Что же, давайте поищем такие случаи.

⁴ Постановление Верховного Совета РФ от 27.12.1991 № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность».

— Яркий пример — административный снос самовольных построек в Москве, который имел место в прошлом году. Законные действия причинили убытки, например, арендаторам.

— А почему действия законные? Если у владельцев построек были, скажем, свидетельства о праве собственности или если суд запрещал снос, то с точки зрения закона, как мне кажется, все должно быть ясно. Если снос производился незаконно, то должны применяться другие статьи, предусматривающие ответственность публичных образований за незаконные действия, т.е. ст. 13, 1069 ГК.

— Речь идет о том, сколько исков об оспаривании таких действий было подано и сколько — по факту удовлетворено. Ключевой довод мэрии состоял в том, что эти свидетельства, или, как их обозначил мэр Москвы, «бумажки», были изначально получены с нарушением требований закона.

— Но ведь сначала надо оспорить эти «бумажки», в суде признать их недействительными, иначе о каком уважении к реестру, или к свидетельствам о праве, или к выпискам из реестра можно говорить?

К сожалению, это лишний раз иллюстрирует общую и на самом деле большую проблему, заключающуюся в том, что государство не отвечает за свои ошибки.

— Еще один яркий пример из московской практики — реновация жилого фонда и связанные с этим действия властей по изъятию имущества для государственных нужд. Тоже законные действия, которые влекут убытки, но в этом случае вопрос стоит о полноте возмещения потерь собственника. Например, доказывать в таких спорах упущенную выгоду очень тяжело.

— Согласен, это большая проблема, и дело здесь даже не столько в том, что собственникам этих строений или земельных участков не возмещается полная стоимость, сколько в том, что порядок изъятия стал максимально упрощенным.

В нашей стране многое решается исходя из приоритета общих интересов перед частными. С чего все это началось? Наверное, с Сочи, когда надо было срочно готовиться к Олимпиаде и сносили постройки. Затем последовала универсиада в Казани и подготовка к ней, потом Новая Москва и снос малоэтажек. Все это — события одного ряда. И такое упрощение и, так сказать, уменьшение гарантий прав граждан меня очень беспокоит.

— Реновация добавила еще один повод для размышлений об уважении права собственности и о том, можно ли распоряжаться судьбой квартиры решением общего собрания собственников многоквартирного дома. Настолько ли абсолютно право собственности, что лишить его без учета мнения самого собственника нельзя ни в коем случае, или все же допустимо сделать исключение и сказать, что интересы большинства требуют изъятия? Этот вопрос в последнее время активно обсуждался на самых разных юридических площадках.

— Конечно, мне бы хотелось сказать, что собственность абсолютна, неприкосновенна, вечна и т.д. Но на самом деле это не так, и всегда были, есть и будут ис-

ключения, ограничения прав собственности в публичных интересах или в интересах общественности, более крупных коллективов, в данном случае — собственников жилых помещений многоквартирных домов. Формально это действительно вступает в противоречие с конституционными нормами о защите права собственности, но если в Конституционный Суд будет подано заявление об оспаривании возможности собрания собственников в многоквартирном доме принять решение об изъятии вопреки воле отдельных собственников, то я не думаю, что Суд поддержит такую позицию.

Мне это не нравится, но, на мой взгляд, без таких исключений не обойтись. Другое дело, что необходимо ставить их все под судебный контроль, ведь случаи бывают разные — когда и собрания не проводились, и кворума не было и т.п.

Так или иначе, государство обязано предусмотреть повышенные меры контроля во всех случаях, связанных с лишением собственности.